

Наука и нравственность.

I.

Сложность нравственных задачъ. — Вивисекція и антививисекціонисты. — Изысканія относительно возможности рациональной нравственности. — Утилитарная и интуитивная теорія нравственности. — Неудовлетворительность обѣихъ.

Въ этой книгѣ намъ приходилось нѣсколько разъ касаться вопросовъ, тѣсно связанныхъ съ задачей нравственности. Такъ, въ вопросѣ о продленіи человѣческой жизни надо было доказать, что принципы высшей нравственности нисколько не противорѣчатъ тому, чтобы человѣкъ жилъ значительно дольше своего воспроизводительнаго періода, хотя и существуютъ народы, нравственные понятія которыхъ допускаютъ принесеніе въ жертву стариковъ.

Экспериментальная біологія, на которой основаны многія теоріи, изложенныя въ этой книгѣ, зиждется на вивисекціи животныхъ. Между тѣмъ немало людей считаютъ безнравственнымъ дѣлать опыты надъ живыми существами безъ непосредственной пользы для послѣднихъ.

Во Франціи и въ Германіи попытки помѣшать или ограничить вивисекцію въ лабораторіяхъ не удались. Въ Англіи же существуетъ строгій законъ, требующій стѣснительнаго контроля надъ опытами съ животными, что вызываетъ серьезныя жалобы англійскихъ ученыхъ.

Еще гораздо сложнее вопросъ объ опытахъ надъ человѣкомъ. Какъ прежде приходилось прятаться для вскрытія человѣческаго трупа, такъ теперь надо прибѣгать къ разнымъ ухищреніямъ при малѣйшемъ опытѣ на человѣкѣ. Тѣ самые люди, которые нисколько не возмущаются безчисленными несчастными случаями, производимыми автомобилями и другими способами передвиженія или охотой, громко возстаютъ противъ попытокъ испробовать на человѣкѣ дѣйствительность какого-нибудь новаго лѣчебнаго средства.

Многіе люди, даже среди ученыхъ, считаютъ безнравственной всякую попытку помѣшать развитію венерическихъ болѣзней. Не-

давно нѣкоторые профессора парижскаго медицинскаго факультета высказали свое возмущеніе по поводу изслѣдованій относительно предохранительнаго дѣйствія ртутныхъ мазей противъ сифилиса. Они утверждали, что «безнравственно давать право думать, будто можно безнаказанно удалаться въ Цитеру», и что «неприлично давать въ руки людямъ средство погружаться въ развратъ» ¹⁾.

Между тѣмъ другіе, столь же авторитетные, ученые убѣждены, что дѣйствуютъ вполне нравственно, пытаясь найти средство противъ сифилиса, для того, чтобы предохранить множество людей, между прочимъ дѣтей и другія невинныя жертвы, которыя, за неимѣніемъ предупредительныхъ средствъ, платятъ дань ужасной болѣзни.

Этихъ нѣсколькихъ примѣровъ достаточно, чтобы показать, какая путаница царствуетъ въ нравственныхъ понятіяхъ. Человѣку ежечасно приходится сообразовать свои поступки и поведеніе съ законами нравственности, а между тѣмъ относительно нихъ даже самые авторитетные люди далеко не согласны между собой.

Восемь лѣтъ тому назадъ парижскій періодическій журналъ *La Revue* ²⁾ обратился къ наиболѣе авторитетнымъ писателямъ съ запросомъ относительно ихъ мнѣнія по поводу раціональной нравственности. Дѣло шло о томъ, возможно ли въ наше время основывать нравственное поведеніе не на религіозныхъ догматахъ, обязательныхъ для однихъ вѣрующихъ, а на началахъ чистаго разума. Отвѣты оказались крайне разнорѣчивыми. Одни отрицали возможность раціональной нравственности, другіе утверждали ее, но на самыхъ противоположныхъ основаніяхъ.

Въ то время какъ философъ *Бутру* утверждаетъ, что «нравственность основана на чистомъ разумѣ и не можетъ имѣть другого основанія», поэтъ *Сюлли-Прюдомъ* основой нравственности считаетъ, главнымъ образомъ, чувство, совѣсть. По его мнѣнію, «въ преподаваніи нравственности сердце, а не умъ является одновременно учителемъ и ученикомъ».

Въ противорѣчіяхъ, упомянутыхъ въ началѣ этой главы, отражены оба эти мнѣнія. Антививисекціонисты протестуютъ противъ опытовъ надъ живыми существами изъ чувства жалости къ бѣднымъ, беззащитнымъ животнымъ. Совѣсть подсказываетъ, что всякое страданіе, причиненное другому существу на пользу человѣка или иного животнаго, безнравственно. Я знаю выдающихся физиологовъ, которые рѣшаются дѣлать опыты лишь надъ мало чувствительными животными, какъ лягушки. Но большинство ученыхъ ни-

¹⁾ Tribune médicale, 1906 г., стр. 449.

²⁾ La Revue, № 15 ноября и 1 декабря 1905 г.

давно нѣкоторые профессора парижскаго медицинскаго факультета высказали свое возмущеніе по поводу изслѣдованій относительно предохранительнаго дѣйствія ртутныхъ мазей противъ сифилиса. Они утверждали, что «безнравственно давать право думать, будто можно безнаказанно удаляться въ Цитеру», и что «неприлично давать въ руки людямъ средство погружаться въ развратъ» ¹⁾.

Между тѣмъ другіе, столь же авторитетные, ученые убѣждены, что дѣйствуютъ вполне нравственно, пытаясь найти средство противъ сифилиса, для того, чтобы предохранить множество людей, между прочимъ дѣтей и другія невинныя жертвы, которыя, за неимѣніемъ предупредительныхъ средствъ, платятъ дань ужасной болѣзни.

Этихъ нѣсколькихъ примѣровъ достаточно, чтобы показать, какая путаница царствуетъ въ нравственныхъ понятіяхъ. Человѣку ежечасно приходится сообразовать свои поступки и поведеніе съ законами нравственности, а между тѣмъ относительно нихъ даже самые авторитетные люди далеко не согласны между собой.

Восемь лѣтъ тому назадъ парижскій періодическій журналъ *La Revue* ²⁾ обратился къ наиболѣе авторитетнымъ писателямъ съ запросомъ относительно ихъ мнѣнія по поводу раціональной нравственности. Дѣло шло о томъ, возможно ли въ наше время основывать нравственное поведеніе не на религіозныхъ догматахъ, обязательныхъ для однихъ вѣрующихъ, а на началахъ чистаго разума. Отвѣты оказались крайне разнорѣчивыми. Одни отрицали возможность раціональной нравственности, другіе утверждали ее, но на самыхъ противоположныхъ основаніяхъ.

Въ то время какъ философъ *Бутру* утверждаетъ, что «нравственность основана на чистомъ разумѣ и не можетъ имѣть другого основанія», поэтъ *Сюлли-Прюдомъ* основой нравственности считаетъ, главнымъ образомъ, чувство, совѣсть. По его мнѣнію, «въ преподаваніи нравственности сердце, а не умъ является одновременно учителемъ и ученикомъ».

Въ противорѣчіяхъ, упомянутыхъ въ началѣ этой главы, отражены оба эти мнѣнія. Антививисекціонисты протестуютъ противъ опытовъ надъ живыми существами изъ чувства жалости къ бѣднымъ, беззащитнымъ животнымъ. Совѣсть подсказываетъ, что всякое страданіе, причиненное другому существу на пользу человѣка или иного животнаго, безнравственно. Я знаю выдающихся физиологовъ, которые рѣшаются дѣлать опыты лишь надъ мало чувствительными животными, какъ лягушки. Но большинство ученыхъ ни-

¹⁾ Tribune médicale, 1906 г., стр. 449.

²⁾ La Revue, № 15 ноября и 1 декабря 1905 г.

сколько не стѣсняются вскрывать животныхъ и доставлять имъ жесточайшія страданія съ цѣлью выясненія какой-нибудь научной задачи, которая со временемъ можетъ увеличить счастье людей или полезныхъ человѣку животныхъ.

Великіе законы, управляющіе инфекціонными болѣзнями, и цѣнные средства борьбы съ ними никогда не были бы найдены безъ вивисекціи или даже при одномъ ограниченіи ея.

Для того, чтобы оправдать вивисекцію, ученые становятся на точку зрѣнія теоріи утилитарной нравственности, оправдывающей всякое средство, полезное человѣчеству.

Антививисекціонисты, наоборотъ, опираются на интуитивную теорію, сообразующую поведеніе съ непосредственными указаніями нашей совѣсти.

Въ приведенномъ примѣрѣ задача легко разрѣшима. Совершенно ясно, что вивисекція вполне допустима при изученіи жизненныхъ процессовъ, такъ какъ она одна позволяетъ наукѣ дѣлать серьезные шаги впередъ. А между тѣмъ, несмотря на это, постоянно встрѣчаются люди, не допускающіе вивисекціи на основаніи своей сильно развитой любви къ животнымъ.

Еще проще задача нравственности въ вопросѣ о предохраненіи противъ сифилиса.

Въ то время какъ при вивисекціи мы имѣемъ дѣло съ дѣйствительнымъ страданіемъ, причиняемымъ животнымъ, въ предупрежденіи сифилиса дѣло сводится къ болѣе или менѣе непрямому и очень проблематическому злу. Выбравшія сношенія облегчаются возможностью предохраненія отъ заразы. Но если сравнить вытекающее отсюда зло съ огромнымъ благодѣяніемъ отъ избавленія множества невинныхъ существъ отъ сифилиса, то легко понять, въ какую сторону склонится чаша вѣсовъ! Поэтому возмущеніе людей, протестующихъ противъ изысканія предохранительныхъ средствъ, никогда не будетъ въ состояніи ни остановить рвенія изслѣдователей, ни помѣшать употребленію этихъ средствъ.

Примѣръ этотъ еще разъ показываетъ, какъ необходимо разсужденіе въ большинствѣ нравственныхъ вопросовъ.

Однако въ дѣйствительной жизни болѣею частью приходится имѣть дѣло съ гораздо болѣе сложными задачами, чѣмъ оба примѣра, выбранные нами для начала. Легко доказать пользу дѣятельности вивисекціонистовъ и изслѣдователей предохранительныхъ средствъ противъ сифилиса; противники же ихъ основываютъ свое мнѣніе исключительно на непосредственномъ чувствѣ.

Но положеніе совершенно мѣняется во множествѣ вопросовъ, касающихся нравственности. Половая жизнь кишитъ въ высшей

степени щепетильными задачами, въ которыхъ очень трудно установить нравственную оцѣнку.

Стоить только вспомнить всѣ перипетіи жизни *Гёте*, великій гений котораго такъ часто становился въ разладъ съ правилами нравственности его времени.

Поступилъ ли онъ нравственно, покинувъ Фредерику и Лили изъ страха связать себя навсегда и погубить свою поэтическую производительность?

А какъ отнестись съ нравственной стороны къ бракамъ сифилитиковъ или другихъ больныхъ, могущихъ передать свою болѣзнь потомству?

Воздержаніе молодыхъ людей до брака, проституція, устраненіе дѣторожденія при половыхъ сношеніяхъ — все это крайне важные вопросы, рѣшеніе которыхъ очень сложно съ нравственной точки зрѣнія. То же самое можно сказать почти относительно всего, касающагося наказуемости. Вопросъ о смертной казни — въ высшей степени спорный и требуетъ многочисленныхъ и разнообразныхъ изслѣдованій. Для опредѣленія пользы или безполезности ея прибѣгаютъ къ статистическимъ даннымъ. По мнѣнію однихъ, такого рода наказаніе нисколько не уменьшаетъ числа преступленій; другіе же думаютъ, что оно дѣйствительно служитъ запугивающей мѣрой. Недавнія пренія о смертной казни во французской палатѣ депутатовъ, въ которыхъ приняли участіе очень талантливые ораторы противоположныхъ мнѣній, служатъ особенно яркой иллюстраціей затрудненій для правильнаго рѣшенія этого вопроса общественной нравственности. Почти такъ же затруднителенъ вопросъ относительно менѣ серьезныхъ наказаній, чѣмъ смертная казнь, и особенно относительно наказаній дѣтей. Педагогамъ очень трудно распутать всѣ эти затрудненія.

Итакъ, утилитарная нравственность часто бессильна установить благо, которое должно вытекать изъ предписываемаго ею поведенія, тѣмъ болѣе, что часто не точно извѣстно, кто собственно долженъ воспользоваться этимъ благомъ. Должна ли польза даннаго поступка быть направлена на родителей, единовѣрцевъ, единоплеменниковъ, людей одной расы, или на все разнообразное челоѣчество?

Въ виду столькихъ затрудненій многіе теоретики нравственности признали непримѣнимость утилитарной теоріи и перешли на сторону интуитивной. По ней основа нравственности заключается во врожденномъ чувствѣ каждаго челоѣка, въ извѣстнаго рода социальномъ инстинктѣ, заставляющемъ дѣлать добро ближнему и подказываемомъ внутреннимъ голосомъ совѣсти, какъ слѣдуетъ поступить, гораздо лучше, чѣмъ всякая утилитарная оцѣнка поведенія.

Дѣйствительно, безспорно, что человѣкъ живетъ въ обществѣ въ силу потребности соединяться съ другими людьми.

Но въ то время какъ въ животномъ мірѣ общественные виды въ своемъ поведеніи обнаруживаютъ обыкновенно хорошо регулированный слѣпой инстинктъ, у человѣка мы видимъ совершенно обратное. Общественный инстинктъ у него безконечно измѣнчивъ.

У нѣкоторыхъ людей крайне развита любовь къ ближнему. Въ этомъ случаѣ человѣкъ видитъ счастье только въ одномъ самопожертвованіи для общаго блага; онъ раздаетъ все свое имущество бѣднымъ и часто кончаетъ тѣмъ, что умираетъ изъ-за какой-нибудь идеальной — конечно, альтруистической — цѣли. Такіе примѣры довольно рѣдки.

Гораздо чаще встрѣчаются люди, привязанные только къ нѣкоторымъ изъ себѣ подобныхъ; они преданы родителямъ, друзьямъ и соотечественникамъ, но остаются болѣе или менѣе равнодушными ко всѣмъ чужимъ.

Не рѣдки также люди, привязанности которыхъ очень ограничены и которые постоянно извлекаютъ пользу изъ другихъ или для себя самихъ, или для своей семьи.

Рѣже встрѣчаются настоящіе злые люди, любящіе только себя самихъ и дѣлающіе одно зло вокругъ себя.

Несмотря на такое различіе въ развитіи общественнаго инстинкта, всѣмъ людямъ приходится жить вмѣстѣ.

Если бы была возможность знать внутреннія побужденія людей, можно было бы руководствоваться ими для классифицированія ихъ поступковъ. Къ нравственнымъ поступкамъ относили бы внушенные любовью къ ближнему, а къ безнравственнымъ — вызванные эгоистическими мотивами. Но внутреннія побужденія только въ рѣдкихъ случаяхъ могутъ быть точно опредѣлены. Гораздо чаще они кроются такъ глубоко въ душѣ, что иногда самъ человѣкъ не способенъ отдать себѣ отчета въ нихъ. Почти всегда находятъ онъ возможность согласовать свои поступки съ голосомъ совѣсти и оправдать приносимое ближнему зло. Исключительныя же натуры имѣютъ, наоборотъ, такую утонченную совѣсть, что терзаются даже тогда, когда дѣлаютъ одно добро вокругъ себя.

Въ обыденной жизни поступкамъ противника обыкновенно приписываютъ дурныя намѣренія. Это облегчаетъ критику и позволяетъ высказать сужденіе относительно поведенія людей, что удовлетворяетъ врожденной потребности многихъ людей злословить ближняго.

Этотъ способъ весьма распространенъ среди журналистовъ и политиковъ, но долженъ быть вполне исключенъ изъ серьезнаго изученія нравственныхъ вопросовъ.

Поэтому намѣренія и совѣсть, какъ ускользающіе отъ насъ элементы, не могутъ служить для оцѣнки людскаго поведенія. Для этого приходится обратиться къ результатамъ поступковъ. Между тѣмъ легко убѣдиться въ томъ, что добро часто идетъ въ разрѣзъ съ интересами общества. Очень часто добрый человѣкъ приноситъ больше зла, чѣмъ добра.

Шопенгауэръ давно уже высказалъ, что нравственность, исключительно подчиняющаяся чувству, есть не что иное, какъ карикатура на настоящую нравственность.

Влекомый потребностью къ альтруизму, человѣкъ необдуманно разсыпаетъ свои щедроты, и это приводитъ только ко злу какъ для ближнихъ, такъ и для него самого.

Въ «Тимонѣ Аѳинскомъ» *Шекспиръ* изобразилъ прекраснаго человѣка, рожденнаго, по его словамъ, «для благотворительности», раздающаго свое имущество направо и налево и создающаго вокругъ себя толпу паразитовъ. Въ концѣ концовъ онъ разоряется и становится неизлѣчимымъ мизантропомъ.

По этому поводу *Шекспиръ* говоритъ устами Флавія: «Какая странная судьба, что мы всего болѣе грѣшимъ именно тогда, когда слишкомъ благодѣтельствуемъ другимъ!»

Походъ противъ вивисекціи внушенъ подобной же нравственностью, основанной исключительно на чувствѣ. Результатъ этого — безсознательное распространеніе одного зла.

Удивительно, что, въ виду огромной сложности жизненныхъ явленій, случается, что дурные поступки иногда приносятъ обществу больше пользы, чѣмъ поступки, внушенные самыми благородными чувствами.

Такъ, мѣры большой строгости часто полезнѣе полумѣръ, принимаемыхъ администраторомъ, преисполненнымъ мягкостью и добротой.

Изъ этого видно, что интуитивная теорія нравственности не дѣйствительнѣе утилитарной. Хотя чувство общественности и служить побужденіемъ для нравственной дѣятельности, оно, однако, недостаточно для того, чтобы на немъ основать поведеніе людскихъ обществъ. Съ другой стороны, хотя польза, дѣйствительно, и служить цѣлью всякаго нравственнаго поступка, но такъ какъ въ большинствѣ случаевъ пользу трудно установить и опредѣлить, то и ее невозможно признать основой рациональной нравственности.

Въ виду этого приходится искать другихъ началъ, способныхъ освѣтить задачу нравственнаго поведенія.

II.

Попытки основать нравственность на законахъ человѣческой природы. — Теорія нравственной принудительности *Канта*. — Нѣкоторые возраженія противъ кантовской теоріи. — Нравственность должна быть подъ руководствомъ разума.

Уже въ древности были очень озабочены отысканіемъ иной основы нравственности, чѣмъ предписанія религіи, основанныя на откровеніи. Но теоріи, созданныя въ виду этого, давно признаны недостаточными.

Какъ было изложено въ «Этюдахъ о природѣ человѣка» (гл. I), полагали, что знакомство съ этой природой способно дать намъ искомый принципъ. Эпикурейцы, какъ и стоики, думали, что ихъ столь различныя ученія могутъ опираться на общую основу человѣческой природы. Принципъ этотъ оказался слишкомъ эластичнымъ для примѣненія на практикѣ, такъ какъ природа человѣческая поддается слишкомъ разнообразнымъ толкованіямъ.

Послѣ неудачи нѣсколькихъ попытокъ основанія раціональной нравственности *Кантъ* высказалъ теорію, которую многіе мыслители признали крупнымъ шагомъ впередъ. Но тѣмъ не менѣе она никогда не была принята въ широкихъ размѣрахъ и служить лишь доказательствомъ того, что чистый разумъ не въ силахъ разрѣшить великой задачи нравственности.

Я не стану долго останавливаться на этой теоріи, но считаю не лишнимъ охарактеризовать ее въ нѣсколькихъ строкахъ.

По *Канту* нравственность не вытекаетъ изъ чувства симпатіи, и цѣль ея не есть общее благо. Природа плохо бы распорядилась, если бы поставила счастье цѣлью человѣческой жизни, потому что низшія существа вообще счастливѣе самыхъ совершенныхъ людей. Нравственно дѣйствовать заставляетъ насъ внутренняя потребность, при чемъ мы не всегда въ состояніи объяснить наше поведение стремленіемъ къ благу, которое должно изъ него воспослѣдовать.

Ученіе *Канта* сводится къ интуитивной теоріи нравственности. Оно основано не на чувствѣ симпатіи и доброты, влекущемъ насъ дѣлать добро ближнимъ, а исключительно на чувствѣ долга. *Кантъ* не видитъ никакой заслуги въ поступкахъ человѣка, находящаго удовольствіе въ служеніи ближнему.

Поступокъ становится нравственнымъ только тогда, когда побужденіемъ къ нему служить одно чувство долга.

Эта сторона теоріи великаго философа была очень хорошо обрисована эпиграммой *Шиллера*: «Мнѣ пріятно дѣлать добро своимъ друзьямъ; это меня смущаетъ: я чувствую, что не вполне добродѣтеленъ! Попытаюсь возненавидѣть ихъ и потомъ съ отвращеніемъ дѣлать для нихъ то, что велитъ мнѣ долгъ».

Въ своей критикѣ нравственной теоріи *Канта* *Гербертъ Спенсеръ* ¹⁾ рисуетъ себѣ міръ, населенный людьми безъ всякой взаимной симпатіи, дѣлающими до ро наперекоръ своимъ естественнымъ инстинктамъ, по одному чувству долга.

Англійскій философъ думаетъ, что при этихъ условіяхъ «міръ былъ бы неудобобитаемъ».

Понятно, что нравственному ученію *Канта* могли бы слѣдовать только люди, составляющіе исключеніе изъ общаго правила, такъ какъ большинство человечества подчиняется скорѣе своимъ склонностямъ, чѣмъ чувству долга. Кромѣ того, только мало развитой человѣкъ можетъ принимать добро отъ всякаго, не задаваясь вопросомъ о томъ, дѣлается ли это добро подъ вліяніемъ симпатіи или изъ чувства долга. Но человѣкъ болѣе высокой культуры не приметъ услугъ, сдѣланныхъ не отъ добраго сердца, а по одному чувству долга. Часто даже приходится скрывать свои внутреннія побужденія, для того, чтобы не покоробить щепетильности того, для котораго совершается нравственный поступокъ. Эти примѣры сокрытія внутреннихъ побужденій, кромѣ того, показываютъ, что на практикѣ невозможно судить о поступкахъ на основаніи намѣреній, вызвавшихъ ихъ.

Въ виду того, что такъ часто невозможно бываетъ рѣшить, зависитъ ли альтруистическій поступокъ отъ добраго чувства или отъ чувства долга, всего лучше совершенно отказаться отъ оцѣнки внутренняго побужденія нравственныхъ поступковъ.

Кантъ и самъ чувствовалъ потребность найти какое-нибудь другое средство для опредѣленія достоинства человѣческаго поведения.

Какъ всѣмъ извѣстно, онъ остановился на слѣдующей формулѣ: «*Дѣйствуй такъ, чтобы принципъ твоей воли всегда могъ служить одновременно основаніемъ всемірнаго законодательства*» ²⁾.

Приведу нѣсколько наглядныхъ примѣровъ для того, чтобы сдѣлать это положеніе болѣе удобопонятнымъ.

Человѣкъ, не имѣющій денегъ и возможности заплатить свой долгъ, спрашиваетъ себя, слѣдуетъ ли ему, несмотря на это, обѣщать заимодавцу вернуть занятое. Примѣняя теорію *Канта*, онъ долженъ такъ поставить вопросъ: къ чему бы привело такое обѣщаніе, если бы всѣ постоянно дѣлали его? Ясно, что если бы такія ложныя обѣщанія стали общераспространенными, никто больше не довѣрялъ бы имъ и они сдѣлались бы, слѣдовательно, непримѣнимыми въ практической жизни. Итакъ, формула *Канта* даетъ раціональную основу для обозначенія этихъ поступковъ безнравствен-

¹⁾ Revue philosophique, 1888 г., № 7, стр. 1.

²⁾ Grundlegung zur Metaphysik der Sitten.

ными. То же касается и кражи. Если бы стало общепринятымъ, чтобы всѣ брали себѣ все, что вздумается, собственность исчезла бы и кража вмѣстѣ съ нею.

Самоубійство по *Канту* — также безнравственный поступокъ, потому что если бы оно стало общераспространеннымъ, то родъ человѣческій пресѣкся бы.

Но *Кантъ* имѣетъ въ виду только одну сторону задачи. Нравственное поведеніе очень часто должно быть ограничено и не можетъ распространяться на все человѣчество.

Такъ, напримѣръ, если бы кто-нибудь, жаждущій принести себя въ жертву для блага ближнихъ, захотѣлъ оцѣнить свой поступокъ на основаніи формулы *Канта*, онъ долженъ былъ бы вывести то же заключеніе, какъ и относительно самоубійства: если бы всѣ жертвовали жизнью для другихъ, то въ концѣ-концовъ никто не остался бы въ живыхъ. Слѣдовательно, принесеніе жизни въ жертву другихъ — безнравственный поступокъ, и т. п.

Ясно, что *Кантъ* въ поискахъ за раціональной основой нравственности нашелъ только ея внѣшнюю форму, въ которой отсутствуетъ внутреннее содержаніе нравственности.

Для нравственного человѣка недостаточно руководствоваться однимъ сознаніемъ чувства долга, — ему необходимо еще и знать, къ какому результату привести его поступки.

Если безнравственно дѣлать ложныя обещанія, то это потому, что никто не будетъ болѣе довѣрять имъ. А между тѣмъ довѣріе необходимо для блага людей.

По формулѣ *Канта* воровство порицаемо, потому что, ставши общераспространеннымъ, оно сдѣлаетъ собственность невозможной. Послѣдняя же, вообще говоря, составляетъ благо для людей.

Самоубійство противорѣчитъ принципамъ *Канта*, потому что оно привело бы къ пресѣченію рода человѣческаго. Жизнь же есть благо, котораго не слѣдуетъ растрачивать.

Несмотря на всѣ старанія *Канта* обосновать свою теорію раціональной нравственности помимо понятія объ общемъ благѣ, ему не удалось устранить послѣдняго. Возводя въ принципъ сознаніе долга, «практическій разумъ» долженъ указать цѣль, къ которой слѣдуетъ направлять нравственную дѣятельность.

Представленія *Канта* на этотъ счетъ весьма неопредѣленны, но тѣмъ не менѣе нѣкоторые изъ нихъ очень интересны и о нихъ слѣдуетъ упомянуть. Сознаніе долга составляетъ волю нравственного поведенія. Воля эта не должна быть ограничена данными условіями. *Кантъ* выражается на этотъ счетъ въ слѣдующей обычной для него туманной формѣ: «посредствомъ разума мы создаемъ законъ,

которому подчинены все наши принципы, какъ будто наша воля должна породить естественный порядокъ вещей».

Итакъ, разница между законами природы, которой *подчинена воля*, и законами природы, *подчиненной воли*, заключается въ слѣдующемъ: въ первомъ случаѣ объекты вызываютъ представленія, которыя опредѣляютъ волю; во второмъ же — воля вызываетъ объекты; опредѣляющее начало причинности воли заключается исключительно въ свойствѣ чистаго разума. Поэтому послѣдній можетъ быть также обозначенъ, какъ практическій чистый разумъ (*Kritik d. praktischen Vernunft*).

Насколько я могу понять мысль *Канта*, онъ полагаетъ, что раціональная этика не должна сообразоваться съ человѣческой природой въ ея настоящемъ видѣ. Быть можетъ, дозвоительно даже истолковать мысль *Канта* въ такомъ смыслѣ, будто онъ предугадалъ, что нравственная воля въ состояніи видоизмѣнить природу, подчинивъ ее своимъ собственнымъ законамъ.

Въ противоположность этой мысли нѣкоторые критики *Канта* захотѣли усовершенствовать его теорію нравственности, согласуя ее съ человѣческой природой въ ея настоящемъ видѣ. Мысль эта была очень ясно выражена *Ваширô*¹⁾. Онъ прежде всего настаиваетъ на томъ, что *Кантъ* «не понималъ существеннаго значенія... объекта нравственнаго закона. Задачѣ этой, исключительно занимавшей все школы древности подъ именемъ *высшаго блага*, отведено только случайное мѣсто въ теоріи *Канта*. Онъ все-таки признаетъ, что не вся цѣль человѣка въ одномъ долгѣ и что слѣдуетъ включить сюда и счастье» (стр. 316).

Но что такое счастье, служащее мѣриломъ дѣятельности людской? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, *Ваширô* становится на точку зрѣнія философовъ древности, о которыхъ было подробно говорено въ «Этюдахъ о природѣ человѣка». Только онъ выражается точнѣе ихъ.

«Въ чемъ заключается благо для какого бы то ни было существа?» спрашиваетъ онъ. Въ исполненіи его цѣли. Въ чемъ же цѣль существа? Просто въ развитіи его природы. «Примѣните этотъ методъ къ человѣку и къ нравственности. Познакомившись съ человѣческой природой посредствомъ наблюденія и анализа, можно вывести отсюда его цѣль; добро, слѣдовательно, — законъ человѣческій. Понятіе о добрѣ неизбѣжно влечетъ за собой понятіе обязательности, долга и закона, которому должна подчиниться воля. Все, слѣдовательно, сводится къ познанію человѣка, но къ полному познанію

¹⁾ *Vacherot. Essais de philosophie critique. Paris, 1864 г.*

его, особенно къ знакомству съ его свойствами, чувствами, наклонностями, присущими ему и отличающими его отъ животныхъ»... (стр. 319).

Выводъ этого ученія слѣдующій: «Развивать всѣ свойства нашей природы, подчиняя всегда тѣ, которыя служатъ только средствами, органами, тѣмъ, совокупность которыхъ составляетъ настоящую цѣль человѣка; таковъ настоящій порядокъ маленькаго мірка, называемаго жизнью человѣческой! Такова ея цѣль и законъ. Эта формула выражаетъ въ наиболѣе научной и наименѣе спорной формѣ уже старую истину, основу всей нравственности и руководство ко всѣмъ ея примѣненіямъ. При поискахъ за опредѣленіемъ справедливости, долга, добродѣтели надо вглядываться въ этотъ міръ, а не подыматься выше и не спускаться ниже его» (*Vacherot*, стр. 301).

Къ такому же заключенію приходитъ болѣе поздній критикъ *Канта*, проф. *Паульсенъ* ¹⁾. Онъ думаетъ, что *Канту* слѣдовало слѣдующимъ образомъ видоизмѣнить свою формулу: «Этические законы должны быть такими правилами, которыя могутъ служить естественнымъ законодательствомъ человѣческой жизни. Другими словами, это—правила, которыя, управляя поведеніемъ какъ законъ природы, имѣли бы въ результатъ сохраненіе и высшее развитіе человѣческой жизни».

Итакъ, съ какой бы точки зрѣнія ни смотрѣли на задачу нравственности, мыслители всегда приходятъ къ подчиненію поведенія законамъ человѣческой природы.

Современный намъ авторъ *Сутерландъ* ²⁾ примѣняетъ къ задачамъ нравственности научный методъ и опредѣляетъ ее, какъ поведеніе, руководимое разумной симпатіей. Эта симпатія не должна приносить въ жертву большее благо другихъ въ пользу менѣе важнаго, хотя и болѣе непосредственнаго блага. Такъ, мать можетъ сочувствовать своему ребенку, когда онъ принужденъ принять невкусное лѣкарство; но если симпатія ея разумна, она не удовлетворяетъ ея во вредъ здоровью ребенка (стр. 499).

Въ этомъ примѣрѣ симпатія должна быть подчинена требованію медицины. Вообще нравственное поведеніе всегда должно быть руководимо разумомъ, на чемъ бы ни было основано это поведеніе: будь то симпатія или чувство долга. Вотъ почему нравственность слѣдуетъ основывать на научныхъ данныхъ.

¹⁾ System der Ethik, 7 и 8-ое изданіе, т. I, стр. 199. Берлинъ, 1906 г.

²⁾ Происхожденіе и развитіе нравственности (рус. перев. 1899 г.).

III.

Личная нравственность.—Исторія двухъ братьевъ, воспитанныхъ при одинаковыхъ условіяхъ, но поведеніе которыхъ было совершенно различно.—Позднее развитіе чувства жизни.—Развитіе симпатіи.—Роль эгоизма въ нравственномъ поведеніи.—Христіанская нравственность.—Нравственность *Герберта Спенсера* — Опасность преувеличенія альтруизма.

Хотя нравственное поведеніе относится, главнымъ образомъ, къ взаимному отношенію людей, тѣмъ не менѣе существуетъ и личная нравственность. Такъ какъ послѣдняя всего проще, то съ нея и слѣдуетъ начать изученіе раціональной этики.

Когда человѣкъ, въ погонѣ за личнымъ счастьемъ, безконтрольно предается своимъ склонностямъ, это поведеніе его часто становится, по общепринятому понятію, безнравственнымъ. Слѣдуя своей природѣ, человѣкъ можетъ стать лѣнтяемъ и пьяницей. Лѣнь его, быть можетъ, зависитъ отъ какихъ-нибудь неправильностей кровообращенія мозга и кажется такой же естественной, какъ и потребность предаваться пьянству для человѣка, которому спиртные напитки доставляютъ удовольствіе и веселье. Почему же безнравственнымъ лѣнь и пьянство? Потому ли, что они мѣшаютъ «полной и широкой жизни» по формулѣ *Герберта Спенсера*? Но именно ею оправдываютъ сторонники этой теоріи всякія излишества, безъ которыхъ полнота и широта жизни имъ кажутся невозможными.

Несмотря на то, что такіе пороки, какъ лѣнь и пьянство, тѣсно связаны со свойствами человѣческой природы, они безнравственны, потому что мѣшаютъ завершенію цикла идеальнаго человѣческаго существованія.

Я очень близко зналъ двухъ братьевъ, почти однихъ лѣтъ, воспитанныхъ подъ одинаковыми вліяніями и въ одной и той же средѣ. Тѣмъ не менѣе ихъ вкусы и поведеніе были очень различны. Старшій братъ, несмотря на очень большой умъ, будучи въ гимназіи, главнымъ образомъ любилъ упражнять свою мускульную силу и развивать свои склонности ко всевозможнымъ удовольствіямъ.

Такъ какъ цѣль жизни въ счастіи, говорилъ онъ, то слѣдуетъ какъ можно болѣе идти ему навстрѣчу.

Поэтому онъ безустанно посѣщалъ такія мѣста, гдѣ можно было всего лучше веселиться. Источниками наслажденія служили ему карты, вкусная їда и женщины.

Благодаря необыкновеннымъ способностямъ, онъ выдерживалъ экзамены, почти не работая.

Его нисколько не соблазнялъ примѣръ младшаго брата, вѣчно погруженнаго въ книги.

«Ты находишь счастье въ ученіи,—говорилъ онъ;—это твое

дѣло. Я же терпѣть не могу книгъ и счастливъ лишь тогда, когда веселюсь. Всякій долженъ идти по своей собственной дорогѣ для достиженія цѣли жизни». Въ результатѣ поведенія старшаго брата здоровье его сильно пошатнулось.

Онъ умеръ 56-ти лѣтъ отъ болѣзни сосудистой системы, вполне сознавая себя погибшимъ.

Онъ былъ очень несчастенъ въ послѣдніе годы, такъ какъ у него въ высшей степени сильно развилось чувство жизни. Онъ погибъ жертвой своего невѣдѣнія, потому что въ юности не подозревалъ, что настоящее чувство жизни развивается поздно и въ старости становится гораздо сильнѣе, чѣмъ въ молодости.

Братъ его точно такъ же не зналъ этой истины; но, поглощенный научными занятіями, онъ держался въ сторонѣ отъ обычныхъ юношескихъ развлеченій и велъ умѣренный образъ жизни.

Благодаря такому поведенію, онъ оставался полнымъ силъ и бодрости въ то время, когда его бѣдный старшій братъ сталъ уже развалиной.

Я привожу этотъ примѣръ не для того, чтобы лишній разъ повторить всѣмъ извѣстную истину, что умѣренность приводитъ къ лучшей старости, чѣмъ неумѣренность, а для того, чтобы отмѣтить значеніе знанія эволюціи жизненнаго инстинкта въ теченіе индивидуальнаго развитія. Дѣйствительно, понятіе это еще очень мало распространено.

Я присутствовалъ при послѣднихъ минутахъ жизни моего старшаго брата. Сорокапятилѣтній братъ мой, чувствуя приближеніе смерти отъ гнойнаго зараженія, сохранилъ полную ясность своего большого ума. Пока я сидѣлъ у его изголовья, онъ сообщалъ мнѣ свои размышленія, преисполненные величайшимъ позитивизмомъ. Мысль о смерти долго страшила его. «Но такъ какъ всѣ мы должны умереть», то онъ кончилъ тѣмъ, что «примирился, говоря себѣ, что въ сущности между смертью въ 45 лѣтъ или позднѣе—лишь одна количественная разница».

Это размышленіе, облегчившее страданіе моего брата, не соответствуетъ, однако, дѣйствительности. Чувство жизни очень различно въ разные возрасты, и человѣкъ, продолжающій жить нормально послѣ 45 лѣтъ, испытываетъ много ощущеній, раньше неизвѣстныхъ ему.

Душевная эволюція въ старости совершаетъ значительный шагъ впередъ.

Даже не принимая гипотезы инстинкта естественной смерти, завершающаго нормальную жизнь, нельзя отрицать того, что молодость—только подготовительная ступень и что лишь въ извѣстномъ

возрастъ душа достигаетъ своего полнаго развитія. Признаніе это должно составлять основной принципъ науки жизни и руководить педагогіей и практической философій.

Итакъ, личная нравственность заключается въ такомъ поведеніи, при которомъ можетъ совершиться нормальный циклъ жизни, приводящій къ возможно полному чувству удовлетворенія, которое достижимо только въ преклонномъ возрастѣ. Вотъ почему мы въ правѣ назвать безнравственнымъ человѣка, который въ молодости растрачиваетъ здоровье и силы и этимъ лишаетъ себя возможности ощущать величайшее удовлетвореніе жизнью.

Человѣкъ не можетъ существовать вполне изолированнымъ въ природѣ. Рождается онъ слабымъ и безпомощнымъ и поэтому долженъ быть связаннымъ съ существомъ, питающимъ и защищающимъ его. Хотя ребенокъ эгоистиченъ, но онъ привязывается къ своему покровителю, и такимъ образомъ возникаетъ чувство симпатіи. Подъ руководствомъ послѣдняго, а также вслѣдствіе сознанія собственного интереса, ребенокъ рано начинаетъ упражнять свою волю для обузданія нѣкоторыхъ, однако вполне естественныхъ, инстинктовъ. Такъ, боязнь лишиться пищи заставляетъ его слушаться своихъ покровителей. Слѣдовательно, даже ребенокъ не можетъ совершить своего нормальнаго цикла, не придерживаясь извѣстнаго нравственнаго поведенія.

Достигнувъ молодости и половой зрѣлости, человѣкъ ощущаетъ потребность сближенія съ лицомъ другого пола. Потребность эта налагаетъ на него извѣстныя обязанности. Несмотря на то, что любовь юноши менѣе эгоистична, чѣмъ привязанность ребенка, она тѣмъ не менѣе далеко не носитъ характера самоотверженности и самопожертвованія.

Молодая женщина, пройдя школу жизни совмѣстно съ матерью и мужемъ, въ свою очередь становится матерью. Материнскій инстинктъ подсказываетъ ей нѣкоторыя правила поведенія, но этого естественнаго инстинкта недостаточно для достиженія цѣли, т.-е. для воспитанія ребенка до поры, когда онъ сдѣлается самостоятельнымъ. Руководимая чувствомъ симпатіи къ своимъ дѣтямъ, молодая мать слѣдуетъ совѣтамъ болѣе опытныхъ женщинъ, чтобы оградить своихъ дѣтей отъ грозившихъ опасностей. Въ теченіе первыхъ годовъ жизни нравственное поведеніе матери почти исключительно сводится къ физическому уходу за ребенкомъ. Для этого она должна пріобрѣтать многочисленныя и разнообразныя свѣдѣнія. Если она этого не дѣлаетъ, то мы въ правѣ обозначить ея поведеніе безнравственнымъ.

Нравственная задача сравнительно проста, когда дѣло идетъ о

воспитаніи маленькаго ребенка: всѣ сходятся на томъ, что главнымъ образомъ при этомъ слѣдуетъ стремиться вырастить его и сохранить ему сколь возможно хорошее здоровье. Если ребенокъ рано обнаруживаетъ привычки, идущія въ разрѣзъ съ этой цѣлью, какъ, напримѣръ, онанизмъ, то слѣдуетъ всячески бороться съ этимъ, не останавливаясь передъ теоріей, по которой счастье состоитъ въ удовлетвореніи всѣхъ потребностей нашей природы.

Но когда ребенокъ прошелъ первый, столь опасный возрастъ, то передъ матерью возникаетъ вопросъ о цѣли дальнѣйшаго воспитанія. Она естественно желаетъ, чтобы ребенокъ ея былъ сколь возможно счастливъ. Здѣсь-то и будетъ ей полезно понятіе объ *ортобіозѣ*. Оно научитъ ее, что величайшее счастье заключается въ нормальной эволюціи чувства жизни, приводящаго къ спокойной старости и, наконецъ, къ чувству насыщенія жизнью.

Проходя науку жизни съ самаго рожденія, сначала совмѣстно со своими покровителями, а затѣмъ съ лицомъ другого пола, человѣкъ этимъ самымъ пріобрѣтаетъ уже нѣкоторые элементы, необходимые для общественной жизни. Убѣжденіе въ неизбѣжности помощи себѣ подобныхъ для достиженія цѣлей личной жизни заставляетъ его сначала въ виду собственного интереса сдерживать свои противообщественные инстинкты. Въ доказательство этого приведу нѣсколько примѣровъ.

При извѣстной степени культурности человѣку всего чаще становится невозможнымъ удовлетворять всѣмъ своимъ матеріальнымъ нуждамъ, не прибѣгая къ помощи людей, менѣе его развитыхъ въ умственномъ отношеніи. Онъ беретъ одну или нѣсколько прислугъ, съ которыми входитъ въ болѣе или менѣе тѣсныя сношенія. Онъ желаетъ для себя и своихъ близкихъ нормальной жизни, охарактеризованной нами въ «Этюдахъ о природѣ человѣка». Въ виду этого, въ интересахъ его самого и семьи, необходимо особенно гуманное отношеніе къ прислугѣ. Здоровье господъ очень часто связано съ поведеніемъ прислуги. Она должна жить въ хорошихъ условіяхъ для того, чтобы имѣть возможность добросовѣстно слѣдовать предписаніямъ гігіены. Обыкновенно хозяева занимаютъ роскошныя помѣщенія, предоставляя прислугѣ терпѣть неудобства въ верхнихъ этажахъ большихъ домовъ. Это безнравственно съ точки зрѣнія блага самихъ хозяевъ. Верхніе этажи, въ которыхъ помѣщается прислуга, — очагъ всякихъ инфекцій, распространяющихся отсюда въ квартиры хозяевъ.

Часто лица, повидимому, слѣдующія утонченной гігіенѣ, схватываютъ болѣзни, не подозревая, что онѣ исходятъ отъ собственной прислуги.

Возьмемъ другой примѣръ, а именно — гнѣвъ. Онъ безспорно вреденъ для здоровья и поэтому долженъ быть обуздываемъ въ интересахъ лица, имѣющаго склонность приходить въ гнѣвное состояніе. Сильный гнѣвъ часто вызываетъ разрывъ сосудовъ, сахарную болѣзнь, а иногда даже развитіе катаракты.

Какъ воѣмъ извѣстно, привычки роскоши часто вредны для здоровья. Пресыщающіе обѣды, безсонныя ночи, проведенныя въ театрѣ, на балахъ и т. д., способны глубоко нарушить правильную дѣятельность органовъ. Съ другой стороны, роскошь однихъ часто основана на нищетѣ другихъ.

Увѣренность въ томъ, что роскошная жизнь укорачиваетъ существованіе и мѣшаетъ человѣку достигъ величайшаго удовлетворенія, будетъ гораздо дѣйствительнѣе противъ роскоши, чѣмъ призывъ къ чувствамъ симпатіи.

Въ виду того, что громадное большинство людей въ жизни руководствуется, главнымъ образомъ, эгоизмомъ, всякая нравственная теорія, имѣющая претензію примѣненія на практикѣ, должна очень считаться съ этимъ обстоятельствомъ. И въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ, что другія нравственныя системы также всегда прибѣгали къ этому двигателю. Въ нагорной проповѣди, резюмирующей христіанскую нравственность, всякій этический поступокъ имѣетъ въ виду награду или избѣжаніе наказанія.

«Радуйтесь и веселитесь, — сказалъ *Иисусъ Христосъ* (Мат., V, 12), — ибо мзда ваша велика на небесахъ». «Не творите милостыню передъ людьми, дабы они не видѣли васъ: не получите бо награды отъ отца вашего небеснаго» (id., VI, 1). «Пусть милостыня твоя будетъ тайной. И отецъ твой, видящій тайное, воздастъ тебѣ явно» (id., VI, 4). «Не судите, да не судимы будете» (VII, 1). «Если не прощаете врагамъ своимъ, то и прощены не будете» (VI, 15). Изъ этого видно, что *Иисусъ Христосъ* не былъ высокаго мнѣнія о человѣческомъ альтруизмѣ.

Въ своемъ сочиненіи о нравственности *Гербертъ Спенсеръ* (*The Data of Ethics*) настаиваетъ на томъ, что для практическаго примѣненія правила нравственности мы не должны требовать слишкомъ многого отъ человѣка; иначе даже наилучшее ученіе останется мертвой буквой. Онъ, однако, полагаетъ, что въ будущемъ человѣчество настолько усовершенствуется, что поведеніе станетъ, безъ всякаго принужденія, такъ сказать, инстинктивно, нравственнымъ. Англійскій философъ представляетъ себѣ будущее человѣчество совершенно обратно идеалу *Канта*. Онъ полагаетъ, что міръ будетъ населенъ вовсе не людьми, переполненными чувствомъ долга, противнаго эгоистическимъ наклонностямъ человѣка, а людьми, которые

будутъ нравственны по «склонности», что составитъ истинную прелесть жизни.

Идеаль этотъ такъ далекъ отъ дѣйствительности, что трудно составить себѣ понятіе о порядкѣ вещей при его исполненіи. Весьма вѣроятно, что міръ вовсе не былъ бы такъ прелестенъ, если бы былъ населенъ одними людьми со слишкомъ развитыми чувствами симпатіи. Послѣдняя большею частью является реакціей противъ какого-нибудь великаго зла. Когда же само зло исчезнетъ, то она можетъ стать не только бесполезной, но даже стѣснительной и вредной.

Джорджъ Элиотъ въ одномъ изъ своихъ лучшихъ романовъ, *Миддлмарчъ*, описываетъ душевное состояніе молодой женщины, восторженно стремящейся дѣлать добро ближнимъ. Собираясь поселиться въ деревнѣ, она мечтаетъ помогать тамъ бѣднымъ. Ея огорченіе и разочарованіе велики, когда оказывается, что жители деревни вполне обеспечены и нисколько не нуждаются въ ея благотворительности.

Д. С. Милль ¹⁾ рассказываетъ въ своихъ «воспоминаніяхъ», что въ молодости онъ мечталъ преобразовать общество съ цѣлью достиженія всеобщаго блага. Но когда онъ спросилъ себя, будетъ ли онъ самъ счастливъ выполненіемъ своихъ прекрасныхъ проектовъ, то внутренній голосъ явно отвѣтилъ ему: «нѣтъ». Отвѣтъ этотъ погрузилъ молодого философа въ самое печальное душевное состояніе, которое онъ описывалъ слѣдующимъ образомъ: «Я обмеръ, рушилось все, что поддерживало меня въ жизни. Все мое счастье должно было заключаться въ непрерывномъ преслѣдованіи этой цѣли. Очарованіе было нарушено; какъ могъ я интересоваться средствами, ставши равнодушнымъ къ цѣли? Мнѣ больше нечему было посвятить свою жизнь» (стр. 128).

Такъ такъ несомнѣнно, что съ прогрессомъ цивилизаціи великія бѣдствія челоуѣчества должны будутъ уменьшиться, а, быть можетъ, даже и вовсе исчезнуть, то и жертвы, направленные противъ нихъ, также должны будутъ уменьшиться. Такъ, героизмъ врачей, въ былое время шедшихъ ухаживать за чумными, сдѣлалось теперь гораздо болѣе рѣдкимъ, съ тѣхъ поръ какъ въ противочумной сывороткѣ мы имѣемъ вѣрное предохранительное средство отъ этого бича. Еще недавно врачи рисковали жизнью, осматривая горло дифтеритныхъ больныхъ. Помню печальный примѣръ этому: выдающійся молодой врачъ, полный будущности, при этихъ условіяхъ схватилъ дифтеритъ и умеръ отъ него. Онъ съ благороднѣйшимъ героизмомъ

¹⁾ Mes mémoires, франц. перев., 1903 г.

выполнять свою обязанность и умеръ въ полномъ сознаніи, изолированный отъ близкихъ ему людей, чтобы не заразить ихъ.

Со времени открытія противодифтеритной сыворотки такому героизму нѣтъ больше мѣста. Успѣхъ, достигнутый наукою, въ то же время устранилъ надобность въ подобныхъ жертвахъ.

Самопожертвованіе при тушеніи пожаровъ сдѣлалось болѣе рѣдкимъ съ тѣхъ поръ, какъ стали строить болѣе огнеупорныя зданія и усовершенствовали способъ борьбы противъ огня.

Изобрѣтеніе безпроводнаго телеграфа, уменьшивъ опасность отъ кораблекрушеній, тѣмъ самымъ устранило необходимость самопожертвованія при спасаніи рискующихъ утонуть. Можно надѣяться, что примѣръ необыкновеннаго геройства, обнаруженнаго нѣкоторыми пассажирами при гибели парохода «Titanic», не возобновится болѣе въ виду усовершенствованій кораблестроенія и мореплаванія, сдѣланныхъ послѣ этой ужасной катастрофы.

Давно ужъ сталъ излишнимъ героизмъ, поднявшій руку Авраама для жертвоприношенія единственнаго сына во имя вѣры. Человѣческія жертвы, требовавшія проявленія высочайшей нравственности, становятся все рѣже и, вѣроятно, въ концѣ-концовъ совсѣмъ исчезнутъ.

Рациональная нравственность, преклоняясь передъ такимъ поведеніемъ, можетъ, однако, болѣе не считаться съ нимъ. Она въ правѣ даже предвидѣть время, когда люди достигнутъ такой степени совершенства, что вмѣсто удовольствія отъ пользованія симпатіей ближняго они будутъ положительно отвергать ее.

Итакъ, въ будущемъ осуществится не *кантовскій* идеаль добродѣтельныхъ людей, дѣлающихъ добро по чувству долга, и не *спенсеровскій* идеаль людей, ощущающихъ инстинктивную потребность помогать ближнимъ. Будущее человѣчество скорѣе осуществитъ идеаль самопомощи, когда люди не станутъ болѣе допускать, чтобы ихъ благодѣтельствовали.

IV.

Человѣческая природа должна быть видоизмѣнена сообразно извѣстному идеалу.—Сравненіе съ измѣненіемъ въ природѣ растений и животныхъ.—Шлашtedтская роза.—Растенія, культивированныя *Бербанкомъ*.—Идеаль ортобіоза.—Безнравственность невѣжества.—Роль гигиены въ общественной жизни.—Мѣсто альтруизма въ нравственномъ поведеніи.—Отсутствіе метафизическихъ воззрѣній въ теоріи ортобіоза.

Какъ было изложено въ «Этюдахъ о природѣ человѣка», рациональная нравственность не можетъ быть основана на человѣческой природѣ въ ея настоящемъ видѣ, который есть результатъ

долгой эволюціи, гдѣ животная сторона занимаетъ значительное мѣсто. Человѣчество не должно болѣе считать идеаломъ гармоническое функционированіе всѣхъ органовъ, этотъ идеалъ древности, переданный нашимъ временамъ. Не зачѣмъ вызывать къ дѣятельности такіе органы, которые находятся на пути къ атрофіи, и многіе естественные признаки, быть можетъ, полезные животному, должны исчезнуть у человѣка.

Человѣческая природа, способная къ измѣненіямъ точно такъ же, какъ и природа организмовъ вообще, должна быть видоизмѣнена сообразно опредѣленному идеалу.

Садовникъ или скотоводъ не останавливаются передъ данной природой занимающихъ ихъ растеній или животныхъ, но видоизмѣняютъ ее сообразно надобности. Точно такъ же и ученый философъ не долженъ смотрѣть на современную человѣческую природу какъ на нѣчто неизблемое, а долженъ стремиться измѣнить ее ко благу людей.

Въ виду того, что хлѣбъ составляетъ главную пищу человѣка, давно уже стараются усовершенствовать природу злаковъ. *Римпай* (*Rimpai*) достигъ большого успѣха въ этомъ направленіи введеніемъ въ употребленіе разновидности ржи, извѣстной подъ именемъ «Шланштедтской», которая довольно распространена во Франціи и Германіи.

Римпай задался цѣлью произвести такую разновидность, колосъ которой были бы сколь возможно длинными и толстыми, съ многочисленными крупными и тяжелыми зернами. Намѣтивъ себѣ эту цѣль, онъ сталъ среди очень большого количества ржи выискивать колосъ, всего ближе подходящій къ его идеалу. Благодаря терпѣливому и продолжительному труду, при помощи разумнаго подбора и скрещиванія, ему удалось создать новую разновидность и этимъ принести большую пользу человѣку.

Современный американскій агрономъ *Бѣрбанкъ* ¹⁾ (*Burbank*) приобрѣлъ большую извѣстность усовершенствованіемъ породъ полезныхъ растеній. Онъ создалъ новый видъ картофеля, увеличившій въ Соединенныхъ Штатахъ доходы съ этого клубня на 85 миліоновъ франковъ въ годъ.

Въ обширномъ имѣніи *Бѣрбанкъ* культивируетъ множество фруктовыхъ деревьевъ, цвѣтовъ и разныхъ растеній съ цѣлью увеличенія ихъ пользы для человѣка. Онъ ставитъ себѣ идеаломъ воспитать растенія, выносящія засуху, усиленно размножающіяся и представляющія всякія другія выгоды. Онъ настолько видоизмѣ-

¹⁾ *De Vries*. „Biologisches Centralblatt“, 1906 г., I, стр. 609.

няетъ природу растеній, что у него кактусъ и ежевика растутъ безъ шиповъ. Сочные листья перваго становятся отличной пищею для скота, а вторая приноситъ вкусныя ягоды, которыя можно безъ уколовъ легко срывать.

Бёрбанкъ усовершенствовалъ культуру сливъ безъ косточекъ и такъ увеличилъ урожай клубней гладиолуса и амариллиса, что эти красивыя растенія стали доступными для людей съ самыми скромными средствами.

Результаты эти потребовали глубокихъ знаній и очень продолжительнаго времени. Чтобы видоизмѣнить природу растеній, надо было прежде хорошо узнать ее. Для того, чтобы установить идеаль видоизмѣннаго растенія, надо не только опредѣлить цѣль этого, но, кромѣ того, выяснитъ себѣ вопросъ о томъ, позволятъ ли особенности растенія осуществить предположенный идеаль.

Методы, пригодные для растеній и животныхъ, должны быть вполне измѣнены въ приложеніи къ человѣку. Здѣсь не можетъ быть и рѣчи о подборѣ и скрещиваніяхъ, примѣнимыхъ ко ржи и сливамъ. Но мы все же въ правѣ составить себѣ идеаль человеческой природы, къ которому человечеству слѣдовало бы стремиться.

Я думаю, что идеаль этотъ заключается въ *ортобіозѣ*, т.-е. въ развитіи человѣка съ цѣлью достигъ долгой, дѣятельной и бодрой старости, приводящей, въ конечномъ періодѣ, къ развитію чувства насыщенія жизнью и къ желанію смерти.

Дѣло вовсе не только въ томъ, чтобы какъ можно болѣе продлить жизнь, какъ думаетъ *Гербертъ Спенсеръ*.

Когда инстинктъ смерти наступаетъ не въ очень преклонномъ возрастѣ, какъ это случилось, напримѣръ, у тетушки *Брилла Саварэна* (*Brillat Savarin*) на 93 году, то никто не мѣшаетъ сократить жизнь, если смерть медлитъ наступить послѣ появленія этого инстинкта.

Это, быть можетъ, единственный примѣръ самоубійства, оправдываемый идеаломъ ортобіоза.

Такой поступокъ былъ бы сообразенъ съ идеаломъ, хотя шелъ бы наперекоръ сложившейся человеческой природѣ.

Другой примѣръ такого противорѣчія представляетъ намъ размноженіе. Человѣкъ произошелъ отъ животныхъ, для которыхъ сколько возможно безграничное воспроизведеніе въ высшей степени важно въ виду сохраненія вида. Имъ возмѣщаются всякія вредныя вліянія, какъ болѣзни, борьба, преслѣдованіе врагами, перемѣна климата и т. д.

Хотя по законамъ природы человѣкъ въ состояніи очень сильно

размножаться, однако идеаль его благоденствія требуетъ ограниченія плодovitости. Поэтому ортобіозъ, основанный на знаніи чело-вѣческой природы, предписываетъ ограниченіе этого вполне есте-ственного отравленія.

Мѣра эта, неизбѣжная уже и теперь въ нѣкоторыхъ случаяхъ, должна будетъ распространиться по мѣрѣ новыхъ усилій борьбы противъ болѣзней, а также по мѣрѣ удлиненія жизни и сокраще-нія войнъ. Она будетъ однимъ изъ главныхъ средствъ уменьшенія грубыхъ приемовъ борьбы за существованіе и развитія нравствен-наго поведенія людей.

Полобно тому, какъ для осуществленія своего идеала *Римпау* и *Бѣрбанкъ* прежде всего должны были хорошо ознакомиться съ природой растений, такъ точно идеаль нравственного поведенія прежде всего требуетъ разнообразнаго и глубокаго знанія.

Для этого недостаточно знать строеніе и функціи чело-вѣческой машины: надо еще имѣть точныя свѣдѣнія объ общественной жизни чело-вѣка.

Научное образованіе такъ необходимо для нравственного пове-денія, что невѣжество слѣдуетъ отнести къ наиболѣе безнравствен-нымъ явленіямъ.

Мать, по невѣжеству воспитывающая своего ребенка противъ правилъ гигіены, ведетъ себя безнравственно относительно своего потомства, несмотря на свои чувства симпатіи.

То же самое можно сказать и относительно правительства, игнорирующаго законы, которые управляютъ жизнью чело-вѣка и общества.

Понятно, дѣло здѣсь идетъ не объ одной доктринальной наукѣ, заключенной въ руководствахъ и въ книгахъ. Не въ учебникахъ ботаники почерпнули *Римпау* и *Бѣрбанкъ* всѣ свои знанія.

Помимо книгъ, для хорошаго управленія поведеніемъ людей необходимы широкія познанія о практической жизни чело-вѣка. Врачъ, только что окончившій медицинскій факультетъ, несмотря на всю свою науку, еще недостаточно подготовленъ для врачебной практики. Для этого ему необходима многолѣтняя привычка лѣчить больныхъ.

То же самое относится и къ практическому примѣненію нрав-ственныхъ принциповъ. Управленіе поведеніемъ требуетъ глубокихъ теоретическихъ и практическихъ знаній. Вотъ почему люди, выбран-ные для выработки и примѣненія такихъ правилъ, должны соответ-ствовать этому требованію.

Если бы когда-нибудь люди стали жить по правиламъ орто-біоза, то пришлось бы ввести значительныя видоизмѣненія въ дѣя-тельность людей различныхъ возрастовъ.

Старость была бы настолько отодвинута, что шестидесяти и семидесятилѣтніе люди сохранили бы еще полнѣйшую бодрость и не были бы вынуждены прибѣгать къ чужой помощи, какъ мы это видимъ теперь во многихъ странахъ.

Съ другой стороны, молодые люди, достигшіе двадцати одного года, не считались бы зрѣлыми и способными принимать участие въ столь трудныхъ дѣлахъ, какъ общественныя. Мнѣніе, высказанное въ «Этюдахъ о природѣ человѣка» относительно опасности вмѣшательства слишкомъ молодыхъ людей въ политическія дѣла, съ тѣхъ поръ подтвердилось самымъ поразительнымъ образомъ.

Въ виду этого легко понять, что современные кумиры, какъ всеобщая подача голосовъ, общественное мнѣніе и референдумъ, при которыхъ невѣжественная масса призвана рѣшать вопросы, требующіе разнообразныхъ и глубокихъ знаній, удержатся не болѣе кумировъ древности.

Успѣхъ человѣческихъ знаній вызоветъ замѣну этихъ учрежденныхъ другими, гдѣ управленіе прикладной нравственностью перейдетъ въ руки дѣйствительно компетентныхъ лицъ. Слѣдуетъ думать, что въ тѣ времена научное образованіе будетъ болѣе распространено, чѣмъ теперь, и что оно займетъ достойное его мѣсто въ воспитаніи и въ жизни.

Вполнѣ очевидно, что мать должна получить соответственное образованіе для того, чтобы поведеніе ея было нравственнымъ по отношенію къ ребенку. Въмѣсто изученія міеологіи или ненужныхъ грамматическихъ правилъ она должна будетъ изучать гигиену и все относящееся къ воспитанію дѣтей.

То же самое можно сказать и о воспитаніи мужчины, — воспитаніи, въ которомъ изученіе точныхъ наукъ должно будетъ занять первенствующее мѣсто. Понятно, что при этомъ нравственное поведеніе и научное знаніе будутъ связаны гораздо тѣснѣе, чѣмъ теперь. Невѣжественная мать будетъ очень плохой воспитательницей, несмотря на всю свою добрую волю и любовь. Врачъ, преисполненный величайшей симпатіей къ больнымъ, но безъ необходимыхъ знаній, можетъ принести имъ огромное зло. Безупречные съ нравственной стороны политическіе дѣятели тѣмъ не менѣе, по невѣжеству, часто проводятъ вреднѣйшую политику. Съ успѣхомъ знаній нравственное поведеніе будетъ все болѣе и болѣе отождествляться съ полезнымъ поведеніемъ.

Меня укоряли въ томъ, что въ моей системѣ гигиена тѣла занимаетъ слишкомъ крупное мѣсто. Но это и не можетъ быть иначе, потому что здоровье играетъ преобладающую роль въ жизни. Несмотря на весь свой пессимизмъ, *Шопенгауэръ* былъ

убѣжденъ въ томъ, что «здоровье есть величайшее сокровище, передъ которымъ все остальное — ничто» (выписка изъ письма къ его другу).

Многія религіи однимъ изъ главныхъ своихъ правилъ ставятъ выполнение гигиеническихъ мѣръ. Нѣкоторые ученые отвергаютъ, будто предписаніе обрѣзанія имѣетъ гигиеническую цѣль; тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что въ еврейской религіи правила гигиены играютъ существенную роль.

Одно христіанство, въ связи со своимъ презрѣніемъ къ чело-вѣческому тѣлу, исключило гигиену изъ своихъ правилъ. *Иисусъ Христосъ* сказалъ: «не печитесь о томъ, что будете ѣсть и пить; ни о своемъ тѣлѣ, чѣмъ будете одѣты. Жизнь не важнѣе ли пищи и тѣло—одежды?» (Матѣ., VI, 25).

Такъ какъ очень долго гигиена находилась на весьма низкой степени развитія, то совершенно естественно, что она не могла занять должнаго мѣста въ чело-вѣческой жизни. Быть можетъ, остатку такихъ возрѣвій отчасти и обязано возраженіе моей системѣ ортобіоза, будто она отводитъ преувеличенное мѣсто гигиенѣ.

Однако въ настоящее время положеніе существенно измѣнилось. Съ тѣхъ поръ какъ основана научная гигиена, благодаря бактериологическимъ изслѣдованіямъ, она сразу приняла значеніе точной науки.

Поэтому становится необходимымъ отвести ей преобладающее мѣсто въ прикладной нравственности, той вѣтви знанія, которая поучаетъ насъ, какъ слѣдуетъ жить людямъ.

Мнѣ возражаютъ также, что въ моей системѣ «нѣтъ мѣста для альтруизма» ¹⁾. Дѣйствительно, какъ было сказано выше, я старался обосновать нравственное поведеніе на эгоистическихъ началахъ. Я думаю, что желаніе жить по идеалу ортобіоза и устроить жизнь близкихъ нормальнымъ образомъ составляетъ могущественный двигатель, способный заставить людей жить сообща, не вредя, а, напротивъ, помогая другъ другу. Двигатель этотъ доступенъ людямъ съ не особенно развитымъ чувствомъ альтруизма и поэтому долженъ въ широкихъ размѣрахъ способствовать распространенію нравственнаго поведенія среди людей. Хотя я и полагаю, что въ будущемъ такія проявленія утонченной нравственности, какъ жертвованіе жизнью и здоровьемъ, станутъ почти или совсѣмъ лишними, тѣмъ не менѣе думаю, что въ настоящее время альтруизмъ и въ моей системѣ долженъ легко найти себѣ примѣненіе. Приложение къ практикѣ добытыхъ научныхъ данныхъ потребуетъ, конечно, много самопожертвованія и доброй воли. Борьба съ различными предразсудками,

¹⁾ Grasset. „Le Fin de la vie“, Revue de philosophie, 1 août 1903.

защита и разработка здравыхъ понятій,—все это требуетъ благороднѣйшаго альтруизма.

Опасенія моихъ критиковъ тѣмъ менѣе основательны, что чувства симпатіи и солидарности будутъ имѣть широкое примѣненіе въ содѣйствіи людямъ достигъ въ своей эволюціи настоящей цѣли нормальной жизни.

Хотя уже и теперешнія знанія позволяютъ установить основы раціональной нравственности, но мы въ правѣ предполагать, что съ дальнѣйшими успѣхами науки правила нравственнаго поведенія будутъ все болѣе и болѣе совершенствоваться.

Не слѣдуетъ думать, что въ этомъ выражается слѣпая вѣра во всемогущество науки.

Тотъ, кто исполняетъ свои обѣщанія, внушаетъ тѣмъ самымъ больше довѣрія, чѣмъ тотъ, кто обѣщаетъ много и ничего не даетъ. Наука уже часто оправдывала возлагаемыя на нее надежды. Она позволяетъ бороться съ самыми ужасными болѣзнями и облегчаетъ существованіе.

Итакъ, упрекъ въ проповѣдываніи слѣпой вѣры въ успѣхъ науки.—вѣры, замѣняющей религію,—несправедливъ, такъ какъ дѣло сводится къ вполне заслуженному довѣрію къ наукѣ.

Столь же несправедливо возраженіе, будто система моя построена на принципѣ конечной—слѣдовательно, метафизической—цѣли.

Пароди ¹⁾ думаетъ, что гипотезы о фізіологической старости и о естественной смерти предполагаютъ мысль о естественной продолжительности жизни, до которой, по случайнымъ причинамъ, человѣкъ не вполне доживаетъ въ настоящее время. «Г-нъ М... употребляетъ и повторяетъ выраженіе «нормальный циклъ». Не виденъ ли въ этомъ неожиданный возвратъ къ прежнему воззрѣнію о конечной цѣли въ природѣ, которая вначалѣ такъ энергично отрицалась? Не вѣра ли это въ то, что видъ—необходимая реальность, которая соотвѣтствуетъ извѣстному и строго опредѣленному типу и какъ бы особому предначертанію природы, и что послѣдняя имѣла какъ бы руководящую мысль, идеаль, который могъ быть скрытъ или извращенъ вѣншими условіями, но который слѣдуетъ вполне возстановить въ цѣлости? Иначе, какое же право имѣемъ мы утверждать, что должно существовать полное и устойчивое равновѣсіе между индивидуумомъ и средой, что *существуетъ* нормальный циклъ, что дисгармоніи *должны* исчезнуть?»

Легко доказать, что все эти принципиальныя возраженія основаны на простомъ недоразумѣніи. Я никогда не упоминалъ о ка-

¹ „Morale et Biologie“, Revue philosophique, 1904 г., т. CVIII, стр. 125.

комъ бы то ни было идеалъ *природы*, ни о неизбежности превращенія дисгармоній въ гармоніи. Не имѣя понятія ни о «цѣляхъ», ни о «мотивахъ» природы, я никогда не становился на метафизическую точку зрѣнія. Я вовсе не знаю, имѣетъ ли природа какой бы то ни было идеалъ и отвѣчаетъ ли ему появленіе человѣка на землѣ.

Я говорилъ объ идеалѣ *людей*, соответствующемъ потребности избѣгать великихъ бѣдствій старости и смерти, какими мы видимъ ихъ вокругъ себя. Я говорилъ еще, что человѣческая природа, состоящая изъ очень сложной суммы слагаемыхъ весьма различнаго происхожденія, заключаетъ въ себѣ нѣкоторые элементы, которыми можно воспользоваться для видоизмѣненія ея согласно съ нашимъ, *человѣческимъ* идеаломъ.

Я поступилъ не иначе, какъ агрономъ, находящій въ природѣ растений такіе элементы, которые позволяютъ ему добиваться новыхъ усовершенствованныхъ расъ. Подобно тому, какъ природа нѣкоторыхъ сливъ заключаетъ въ себѣ элементы, позволяющіе добиться болѣе удобныхъ для ѣды сливъ безъ косточекъ, такъ и въ нашей собственной природѣ существуютъ свойства, допускающія превращеніе дисгармоничной природы этой въ гармоническую, соответствующую нашему идеалу и способную доставить намъ счастье.

Мнѣ совершенно неизвѣстны намѣренія Природы и ея идеалы по отношенію къ сливамъ; но я очень хорошо знаю, что у человѣка могутъ быть намѣренія и идеалы, могущіе служить исходной точкой для измѣненія природы этихъ фруктовъ. Для того, чтобы стать на мою точку зрѣнія, стоить на мѣсто сливы поставить человѣка.

Говоря о нормальномъ циклѣ или о физиологической старости, я употреблялъ слова эти исключительно въ смыслѣ нормальныхъ или физиологическихъ явленій по отношенію къ *нашему*, *человѣческому* идеалу. Я бы могъ точно такъ же сказать, что кактусъ безъ шиповъ есть нормальный кактусъ, при условіяхъ, когда требуется получить сочное растеніе, удобное для пищи скота. Мнѣ казалось проще сказать «нормальный» или «физиологическій», чѣмъ «соответствующій идеалу людей».

Я такъ мало убѣжденъ въ существованіи какихъ-нибудь предначертаній природы для превращенія нашихъ бѣдствій въ блага и дисгармоній въ гармоніи, что нисколько не дивился бы, если бы идеалъ этотъ никогда не былъ достигнутъ. Даже люди, не склонные къ метафизикѣ, часто говорятъ о намѣреніи природы сохранить видъ на счетъ индивидуума. При этомъ опираются на тотъ фактъ, что видъ переживаетъ индивидуумъ. Но вѣдь очень многіе виды

совершенно исчезли. Между ними были очень высоко организованные существа, какъ нѣкоторые виды человекообразныхъ обезьянъ (*Dryopithecus* и т. д.).

Природа не пощадила ихъ; почему знать, не готова ли она поступить такъ же и по отношенію къ роду человѣческому?

Мы не можемъ постичь невѣдомаго, его плановъ и намѣреній. Оставимъ же въ сторонѣ Природу и будемъ заниматься только тѣмъ, что доступно нашему уму.

Послѣдній говоритъ намъ, что человѣкъ способенъ на великія дѣла; вотъ почему слѣдуетъ желать, чтобы онъ видоизмѣнилъ человѣческую природу и превратилъ ея дисгармонію въ гармонію. Одна только воля человѣка можетъ достигъ этого идеала.
